

Вторая сказка про Фиту, Евгений Замятин

Указом Фита отменил холеру. Жители водили хороводы и благоденствовали. А Фита дважды в день ходил в народ, беседа с извозчиками и одновременно любясь монументом.

– А что, братцы, кому монумент-то, знаете?

– Как, барин, не знать: господину исполняющему Фите.

– Ну, то-то вот. Не надо ли вам чего? Все могу, мне недолго.

А была извозчичья биржа около самого собора. Поглядел извозчик на монумент, на собор поглядел – да и говорит Фите:

– Да вот, толковали мы намедни: уж больно нам округ собора ездить несподручно. Кабы да через площадь прямая-то дорога...

Было у Фиты правило: все для народа. И был Фита умом быстр, как пуля. Сейчас это в канцелярию за стол – и готово:

«Имеющийся градский собор неизвестного происхождения сим предписываю истребить немедля. На месте вышеупомянутого собора учредить прямоезжую дорогу для гг. легковых извозчиков. Во избежание предрассудков исполнение вышеизложенного поручить сарацинам. Подписал Фита».

Утром жители так и обомлели:

– Собор-то наш, батюшки! В сарацинах весь – сверху донизу: и на всех пяти главах, и на кресте верхом, и по стенам, как мухи. Да черные, да голые – только веревочкой препоясаны, и кто зубом, кто шилом, кто дрючком, кто тараном – только пыль дымит.

И уже синих глав нету, и на синем – звезд серебряных, и красный древний кирпич кровью проступил на белогрудых стенах.

Жители от слез не прохлебнутся:

– Батюшка Фита, благодетель ты наш, помилуй! Да уж мы лучше кругалем будем ездить, только собор-то наш, Господи!

А Фита гоголем ходит – степенный, с брюшком, на сарацин поглядывает: сарацины орудут – глядеть любо. Остановился Фита перед жителями – руки в карманы:

– Чудаки вы, жители. Ведь я – для народа. Улучшение путей сообщения для легковых извозчиков – насущная потребность, а собор ваш – что? Так, финтифлюшка.

Тут вспомнили жители: не больно давно приходил по собору Мамай татарский, от Мамай откупились – авось, мол, и от Фиты откупимся. В складчину послали Фите ясак: трех девиц красивейших да чернил четверть.

Разгасился Фита, затопал на жителей:

– Пошли вон сейчас. Туда же: Ма-ма-ай! Мамай ваш – мямля, а у меня сказано – и аминь.

И сарацинам помахал ручкой: гони, братцы, вовсю, уж стадо домой идет.

Село солнце – от собора остался только щебень. Своеручно пролинейл Фита мелом по линейке прямую дорогу. Всю ночь сарацины орудовали – и к утру пролегла через базарную площадь дорога – прямая, поглядеть любо.

В начале и в конце дороги водрузили столбы, изукрашенные в будочный чернильный цвет, и на столбах надписание:

«Такого-то года и числа неизвестного происхождения собор истреблен исполняющим обязанности Фитою. Им же воздвигнута сия дорога с сокращением пути легковых извозчиков на 50 саженей».

Базарная площадь была наконец приведена в культурный вид.

1917 год